Человек в информационном обществе

БЫТИЕ ЦИФРОВОГО СУЩЕГО: МЕЖДУ СПОДРУЧНЫМ И НАЛИЧНЫМ

Статья рекомендована к публикации членом редакционного совета Ю. Ю. Петруниным 07.07.2025.

Кондратьев Константин Владимирович

Кандидат философских наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет, кафедра общей философии, доцент
Казань, Российская Федерация
Kons-kondrat@yandex.ru

Аннотация

Целью данного исследования является прояснение статуса цифрового объекта в контексте фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. В частности, поднимается вопрос адекватности характеризации цифрового сущего как средства, или инструмента, обеспечивающего бытие-в-мире присутствия. В статье показано, что бытие цифрового сущего соединяет в себе черты как инструментального, так и несподручного средства. С одной стороны, цифровое сущее выступает в качестве средства, обеспечивающего наше о-заботившееся пребывание в мире. С другой стороны, цифровой объект характеризуется заметностью, навязчивостью и назойливостью, которые в рамках инструмент-анализа рассматриваются как характеристики инструмента, утратившего свою сподручность.

Ключевые слова

цифровое общество; цифровое сущее; Dasein; экзистенция; бытие-в-мире; средство; сподручное; наличное

Введение

Цифровизация является одним из ключевых, если не самым фундаментальным социальным явлением новейшей истории, а также объектом изучения самых разных дисциплин, включая междисциплинарные исследования [1]. Изучаются влияние цифровизации на образовательный процесс [2], формирование идентичности [3] и потребительские практики [4]. Онтологический и антропологический аспекты проблемы цифровизации также представлены в современной философской литературе. Предпринимаются попытки осмысления интернет-бытия в рамках трансцендентальной философии И. Канта [5], а также специфики субъекта цифрового мира [6] и экзистенциальных проблем, сопутствующих все более масштабному распространению цифровизации [7]. До сих пор не проясненными остаются онтологические основания человека, общества и самого мира в условиях повсеместного распространения цифровых, виртуальных и медиатехнологий.

Теоретической и методологической основой нашего исследования онтологии цифровой реальности стала фундаментальная онтология Мартина Хайдеггера, в которой рассматривалось человеческое бытие-в-мире через феномен мирности, а также внутримирового сущего как чего-либо, с чем человек (о котором Хайдеггер предпочитает говорить в терминах dasein или «присутствия») встречается в ходе своего бытования в-мире.

1 Инструмент-анализ в «Бытии и времени» М. Хайдеггера

Онтологическая структура присутствия, или его экзистенциал, выделяемый М. Хайдеггером, обозначается как «бытие-в-мире», а раскрытие этого пребывания в-мире осуществляется через понятие «заботы» или «о-забоченности», понимаемой как специфическое «имение-дела». Таким образом, присутствие должно мыслиться как пребывающее всегда уже в-мире в смысле не-

© Кондратьев К. В., 2026
Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.
Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «С указанием авторства - С сохранением условий версии 4.0 Международная» (Creative Commons Attribution – ShareAlike 4.0 International; CC BY-SA 4.0). См. https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode.ru
https://doi.org/10.52605/16059921_2026_03_65

безразличия к этому миру, присутствию всегда «есть дело» к самому этому миру. Тем самым подчеркивается ключевая методологическая особенность феноменологического подхода Хайдеггера к анализу связи между человеком-dasein и миром, преодолевающая традиционное противопоставление практического и теоретического как действия и созерцания. Это «имение-дела» включает в себя как деятельностное, так и познавательное отношение в качестве пока еще не различенных структурных элементов.

Пребывая «в-мире», присутствие встречается с вещами. Однако понимание вещи в качестве «ближайше данного» абстрактного сущего, в качестве «просто вещи», индифферентной по отношению к спрашивающему, М. Хайдеггер называет «онтологическим промахом», так как в действительности само наименование «вещей» (res) указывает на небезразличие, на специфическое «наделение ценностью». Таким образом, смысл вещи, раскрываемый через специфическое мироотношение присутствия, именуется «подручным». В своей подручности вещь раскрывается как средство, структурированное как «нечто для того, чтобы…» Применение средства – это специфическое приспособление к его употреблению. Мы не осмысляем инструмент-средство, часто даже не задумываемся о его существовании, мы его просто используем (по крайней мере, до тех пор, пока подручное средство находится в распоряжении и выполняет свою функцию). Именно в этом кроется причина того, что «подручному свойственно как бы прятаться в своей подручности, именно чтобы быть собственно подручным» [8, с. 69].

Подручность не существует как нечто отдельное. Само бытие подручного предполагает «отсылание» – от чего к чему. Более того, структура отсылания не останавливается на простой связи «инструмент-предназначение», отсылание распространяется дальше, связывая средства с целями, ресурсами, задачами и т.п., что формирует «целое средств»: «Средство, отвечая своему свойству средства, есть всегда из принадлежности другому средству: средство для письма, перо, чернила, бумага, подкладка, стол, лампа, мебель, окна, двери, комната» [8, с. 68]. Структурой отсылания Хайдеггер демонстрирует сходство между инструментальным средством (например, молоток) и знаком, который является «универсальным типом отнесенности» (например, знак поворота у автомобиля). Их отличие состоит в том, что подручное-средство, как уже было сказано, как бы скрывается в своей незаметности, тогда как знак «берет на себя работу выведения подручного из незаметности» [8, с. 80]. Другими словами, средство может быть настолько употребимым, насколько оно незаметно как *именно средство*. Наилучшее средство – это то, которое становится «продолжением руки». В то же время знак по самой своей функции должен бросаться в глаза, быть заметным для того, чтобы мы уловили то, на что он указывает.

Можно отметить и другую отличительную особенность знака как подручного: знак «вводит конкретный круг окружающего мира в специальный “обзор”» [8, с. 79]. Функция знака – ориентировка, что означает некоторую определенность направления, предполагающую в то же время отсечение бесконечности альтернатив. Неслучайно в качестве образца знака Хайдеггер выбирает знак, ориентирующий дорожное движение. Его функция не просто *сообщать* информацию, но, прежде всего, структурировать движение таким образом, чтобы хаос из автомобилей, пешеходов, общественного транспорта пришел в порядок предсказуемых действий, который является необходимым условием достижения целей всех участников движения. Если подручное-средство есть опора для достижения целей, задаваемых самим присутствием, при этом сами цели ничем не ограничены, то учрежденная совокупность знаков показывает присутствию, какие цели *могут быть* заданы в ближайше очерченном пространственно-временном горизонте.

Что происходит со средством, если оно *перестает быть* подручным? Средство может оказаться сломанным, неподходящим к конкретной задаче или просто утерянным. Во-первых, «средство бросается в глаза», то есть из скрытости в собственной удобности подручное переходит в модус *заметности*. Такие вещи, как отключение воды, поломка автомобиля вызывают раздражение и тревогу, становятся чересчур заметны, поскольку нарушают наши планы. Во-вторых, отсутствие привычного подручного характеризуется модусом *навязчивости*. Его пропажа целиком захватывает наше внимание, хотя минуту назад оно нас совершенно не интересовало. Поиск пропажи – это не просто устранение помехи, но восстановление самого благоустройства целости подручных средств. Третий вариант утраты сподручности – это *назойливость*, когда подручное не является ни испорченным, ни потерянным, но на него просто «нет времени», оно мешается, «путается под ногами». Здесь проявляет себя связь между подручным и наличным: «Модусы заметности, навязчивости, назойливости имеют функцию вывести на свет в подручном характер наличия. При

этом однако подручное еще не *созерцается* и не разглядывается просто как наличное, заявляющая о себе наличность еще связана в подручности средства [8, с. 74].

2 Бытие в мире цифровых сущих

Каким образом данный анализ может быть распространен на объекты цифровой природы? Определенная аналогия между миром «сподручного» и цифровыми гаджетами лежит на поверхности: мобильный телефон, планшет, ноутбук – все это «средства», инструменты нашего повседневного комфорта. Особенность современного цифрового гаджета – в его универсальности, поскольку один предмет служит бесчисленному множеству задач. Немалая часть «целости средств» уже инкорпорирована в один гаджет, в противоположность молотку Хайдеггера, приспособленному только для забивания. Гаджет может служить универсальной задаче через «отсылание» к целостности цифрового мира – связи бесчисленного множества устройств и пользователей в единое виртуальное пространство. Очевидно, что цифровые средства существуют только через постоянные взаимосвязи (компонентов компьютера, коммуникационных средств, передающих сообщения и пр.). Однако возникает сомнение: действительно ли цифровые средства выступают лишь подручными инструментами, наподобие молотка? Молоток, не применяемый для забивания, выступает как *наличное*, хотя и доступное для о-забоченного усмотрения. При этом смартфон даже с выключенным экраном отправляет сигналы на вышку сотовой связи, определяет геолокацию и связывается с интернетом. Как цифровое устройство его невозможно представить отсоединенным от постоянно функционирующего *целого цифровых средств*. Для молотка эта целостность остается лишь возможной.

Данная особенность цифрового средства не отличает, а усиливает то, что Хайдеггер высветил в подручном сущем задолго до возникновения цифровых устройств, а именно – целостность мира средств, их тотальную взаимосвязанность. Однако та степень автономности и даже парасубъектности, демонстрируемая цифровыми объектами, никак не могла быть обнаружена в примерах сподручного, приведенных Хайдеггером (молоток и стрелка). Молоток есть средство для реализации бытийного проекта присутствия. Поворотная стрелка формирует каналы реализации намерений присутствия, являющихся условием возможности реализации этих намерений. И лишь цифровой гаджет активно борется за внимание пользователя, не давая ему отвлечься от экрана. Иконки, всплывающие оповещения, звуковые сигналы навязчиво напоминают о новых сообщениях, событиях, новостях. Услужливые алгоритмы подбирают контент на основе предпочтений пользователя, чтобы его внимание не было отвлечено на что-либо другое. Именно поэтому цифровой гаджет не может претендовать на статус «скрытого» средства. Напротив, его функционирование напоминает хайдеггеровское описание *испорченного сподручного*. Оно основано на *заметности, навязчивости, назойливости*, вытекающих, однако, не из дефектов гаджета, но являющихся условиями его функционирования.

Является ли человек задающим цели, определяющим свое «здесь-бытие»? М. Хайдеггер писал о «несобственной» экзистенции присутствия («падении»), однако связывал его в большей степени с Другими, с анонимным миром das Man, определяющим самость присутствия: «поскольку присутствие есть по сути всегда своя возможность, это сущее может в своем бытии “выбрать” само себя, найти, может потерять себя, соответственно никогда и лишь “мнимо” найти» [8, с. 42]. Сегодня цифровой объект задает наши цели и намерения. Люди давно заменены алгоритмами, контролирующими нашу повседневность, привычки, интересы и желания.

Коммуникация с другими людьми также подверглась существенной трансформации. Никогда еще грань между подключенностью к коммуникативным каналам бесконечных «отсыланий» и отключением от них не была столь тонкой. В прошлом коммуникация была дискретной, прерывной: необходимо было «заходить» в интернет на определенный промежуток времени, который позволял просмотреть полученные сообщения и написать на них ответы, после чего связь прерывалась. Отсюда наиболее распространенными формами общения были электронная почта, текстовые блоги и форумы. Современная коммуникация, напротив, перманентна: отключение от интернета – это специальный период, который многие практикуют как диджитал-детокс. У большинства людей смартфон перманентно подключен к сети и «бомбардируется» оповещениями из различных мессенджеров, приложений, социальных сетей. В таких условиях сложно контролировать свой выбор: ответить на сообщение немедленно или позже? Дигитальное сподручное – это не просто часть «сети отсыланий», но их узел, а пользователь – элемент сети, ведь именно он посредством «реакций» (лайков, комментариев, подписок)

актуализирует нити связей, возвращающихся к нему в виде рекомендаций, подобранных алгоритмами.

В философской литературе уже осуществлялись попытки осмысления дигитальной реальности в русле фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. К примеру, в своей статье З.А. Сокулер писала об определенной «свойскости» – бытийственном отношении, формирующемся у современного человека по отношению к дигитальным средствам: «куда более распространенное отношение к ним – подручность, свойскость, понятность – близко к уверенному и оптимистическому настрою хайдеггеровского пребывающего в мире Dasein» [9, с. 14]. Автор использует концепт Э. Левинаса «chez-soi» («у-себя») как экзистенциал, дополняющий хайдеггеровское «бытие-в-мире» и означающий самопребывание субъективности в отсутствии влияния Другого, а также формирующий специфическое чувство уверенности «я могу». Если Левинас видел реализацию «я могу» в пребывании субъективности «как у себя дома», то, по мнению Сокулер, «в современной культуре … таким “chez-soi”, где у меня под рукой все то, что мне необходимо для моей деятельности и где “я могу”, становится мой девайс (смартфон, планшет, ноутбук – у кого что), который всегда со мной» [9, с. 11]. Другой точки зрения придерживается А.В. Фролов, описывающий процесс распространения цифровых технологий как постепенное редуцирование основных хайдеггеровских экзистенциалов («бытия-с-другими», пространственности, событийности, заботы). В результате «цифровые технологии окончательно превращают человека в машину потребления, ставя этот процесс на гладкие рельсы и предотвращая сбои» [10, с 29]. Впрочем, хотя покупка товаров через интернет и не требует физических усилий, ничто не предвещает закрытие магазинов и торговых центров.

По нашему мнению, рассмотренные выше противоречивые оценки онтологии дигитального мира не отражают в полной мере специфики цифровых объектов и их отношения к «подручному» М. Хайдеггера. С одной стороны, большинство примеров редуцирования, рассмотренных Фроловым, не связаны напрямую с дигитальной реальностью и были описаны еще в доцифровую эпоху. Так, рост консюмеризма в гораздо большей степени связан с социально-экономическими процессами послевоенного периода XX века и был описан Ж. Бодрийяром [11], а превращение человека в «машину желания» – Ж. Делезом [12].

С другой стороны, оптимистический настрой Сокулер противоречит тому факту, что наши гаджеты – это не только виртуальное место «я-могу», но и угроза моему пребыванию «у-себя», так как через гаджет я перманентно открыт и беззащитен перед коммуникацией с Другим. Выше мы уже писали о том, как цифровой мир активно борется за наше внимание через окружающие нас «окна» бесчисленных мерцающих экранов. Единственный способ для современного человека ощутить то самое «chez-soi» – это отключиться от перманентной коммуникации хотя бы на короткий срок. Именно отсюда растущая популярность различных практик медиагигиены и цифрового воздержания.

Заключение

Таким образом, как показано в статье, цифровой объект парадоксальным образом совмещает в себе черты хайдеггеровского подручного и его противоположности – несподручного средства. Нельзя отрицать, что электронные гаджеты помогают нам в решении множества повседневных задач, выполняя роль поистине универсальных средств, наподобие цифрового «швейцарского ножа». Изоляция от информационного потока стала бы для современного человека настоящей катастрофой, закрывающей для него доступ к бесчисленным возможностям саморазвития, трудовой и личностной самореализации, выстраиванию отношений с другими людьми и т.п. В то же время нельзя забывать, что, вопреки хайдеггеровской модели «сподручного», цифровой объект вовсе не пребывает в незаметной «сокрытости». Напротив, он активно борется за контроль над нашим вниманием через бытийные качества (заметность, навязчивость, назойливость), которые в фундаментальной онтологии соответствуют скорее испорченному сподручному. Именно в этом лежит исток проблем и трудностей, порожденных цифровым миром, которые становятся вызовом нашей экзистенции.

Литература

1. Timoshenko A., Timchenko A. Digitalization in the Understanding of Philosophy, Law, Political Science, and Economics: An Interdisciplinary Approach // Russian Journal of Legal Studies. 2020. V.7 (2). P. 35–43.
2. Appakova-Shogina N., Kondratiev K., Saykina G., Shammazova E. Digital socialization in the educational environment: subjectivity hermeneutics // Revista conrado. 2024. Vol. 20, Is 101. P. 134–140.
3. Tripathi R.L. Fragmented Selves: Identity, Consciousness and Reality in the Digital Age // Open Access Journal of Data Science and Artificial Intelligence. 2024. №1. DOI:10.23880/oajda-16000148. (дата обращения: 28.06.2025).
4. Николаева Е.М., Камалеева А.М., Николаев М.С. Новая субъектность в сетевом пространстве человеческих и не-человеческих объектов // Информационное общество. 2025. №2. С. 41–47.
5. Косилова Е.В., Фролов А.В. Интернет в перспективе трансцендентальной философии и феноменологии // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2017. №6. С. 18–29.
6. Котляр П.С. Солдатова Н.О. Современный цифровой субъект: онтологические предикаты // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. №3 (60). С 62–65.
7. Миронов В.В., Сокулер З.А. Тоска по истинному бытию в дигитальной культуре // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. №1. С. 3–22.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2002. 452 с.
9. Сокулер З.А. «Фундаментальная онтология» и онтология дигитального мира // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2017. №6. С. 3–17.
10. Фролов А.В. Экзистенция и мир в цифровую эпоху // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. №3. С. 18–30.
11. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, 2006. 269 с.
12. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.

DIGITAL ENTITY BEING: BETWEEN READY-TO-HAND AND PRESENT-AT-HAND

Kondratiev, Konstantin Vladimirovich

Candidate of philosophical sciences, associate professor
Kazan (Volga Region) Federal University, Departament of general philosophy, associate professor
Kazan, Russian Federation
Kons-kondrat@yandex.ru

Abstract

The purpose of this study is to clarify the digital object status according to Heidegger's fundamental ontology. Consideration is currently being given to the adequacy of the digital entity characterization as a tool that provides Dasein's being-in-the-world. The article shows that the existence of the digital entity being has features of ready-to-hand and unready-to-hand tools. On the one hand, the digital entity is a tool that provides our concerned being-in-the-world. On the other hand, the digital object is characterized by conspicuousness, obtrusiveness and obstinacy, which can be considered as features of the tool that has lost its readiness-to-hand.

Keywords

digital society; digital entity; Dasein; existence; being-in-the-world; tool; ready-to-hand; present-at-hand

References

1. Timoshenko A., Timchenko A. Digitalization in the Understanding of Philosophy, Law, Political Science, and Economics: An Interdisciplinary Approach // Russian Journal of Legal Studies. 2020. V.7 (2). P. 35–43.
2. Appakova-Shogina N., Kondratiev K., Saykina G., Shammazova E. Digital socialization in the educational environment: subjectivity hermeneutics // Revista conrado. 2024. Vol. 20, Is. 101. P. 134–140.
3. Tripathi R.L. Fragmented Selves: Identity, Consciousness and Reality in the Digital Age // Open Access Journal of Data Science and Artificial Intelligence. 2024. №1. DOI:10.23880/oajda-16000148.
4. Nikolaeva E.M., Kamaleeva A.M., Nikolaev M.S. Novaya subjectnost v setevom prostranstve chelovocheskih i ne-chelovecheskih objectov // Informacionnoe obshestvo. 2025. №2. P. 41–47.
5. Kosilova E.V., Frolov A.V. Internet v perspective transcendentalnoj filosofii i fenomenologii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. 2017. №6. P. 18–29.
6. Kotlyar P.S., Soldatova N.O. Sovremennyj zifrovoj subject: ontologicheskie predicaty // Kazanskij socialno-gumanitarnyj vestnik. 2023. № 3 (60). P. 62–65.
7. Mironov V.V., Sokuler Z.A. Toska po istinnomu bytiju v digitalnoj culture // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. 2018. №1. P. 3–22.
8. Heidegger M. Bytie i Vremya. SPb.: Nauka, 2002. 452 p.
9. Sokuler Z.A. "Fundamentalnaya ontologiya" i ontologiya digitalnogo mira // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. 2017. №6. P. 3–17.
10. Frolov A.V. Ekzistenciya i mir v zifrovuju epohu // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. 2018. №3. P. 18–30.
11. Baudrillard J. Obshestvo potrebleniya. Ego mifi i structury. M.: Respublica, 2006. 269 p.
12. Deleuze G., Guattari F. Anti-Edip: Capitalism i schizophrenia. Yekaterinburg: U-Factorija, 2007. 672 p.